

ских преобразований иностранных слов до перевода, переделки и создания новых слов. Интернет является очень интересным источником для языковых исследований и с точки зрения его лексики, и с точки зрения языка, который рождается при создании виртуальных миров.

-
1. *Айдачич Д.* Новые славянские слова и метафоры в Интернете. Slavic Gate karija@narod.ru. 2000-2001.
 2. *Белкин И.* Полный перевод. Lenta.ru.
 3. *Короченский А.П.* Демократизация медиадискурса: проблемы и перспективы. <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/291886/print.html>.

ТЕКСТЫ МАСС-МЕДИА В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Крюкова Светлана Владимировна
Белгородский государственный университет

Нарушение языковых, стилистических и коммуникативных норм ведёт к снижению качества коммуникации. Языковые единицы со сниженной стилистической окраской – не единственный способ повысить экспрессивность текста.

Ключевые слова: *культура речи, речевая ошибка, стилистическая норма, коммуникативная норма, стилистическая окраска.*

Violation of the linguistic, stylistic and communication standards leads to the deterioration in the quality of communication. Language units with a tinge of substandard aren't the only way to raise the expressivity of the text.

Key words: *speech standards, speech mistake, stylistics standards, communication standards, stylistics nuance (colour of a word).*

Проблема сохранения и повышения культуры речи особенно актуальна для текстов масс-медиа, так как именно медиатексты наиболее доступны массовой аудитории, способны оказывать на неё воздействие, формировать мировоззрение и культурные представления. В то же время можно отметить достаточно часто встречающиеся в масс-медийных текстах нарушения речевых норм.

В качестве объекта анализа текстов в аспекте культуры речи мы избрали материалы, опубликованные в веб-версии независимой общественно-политической газеты «Голос Белогорья» (электронный адрес <http://golosbelog.livejournal.com>). Газета издается Белгородским региональным общественным фондом «Развитие», зарегистрирована в августе 2005 года; учредителем и главным редактором её является В. Бабин. Будучи независимой, газета свободна от официоза, её отличает внимание к острым политическим и социальным вопросам, критическое отношение к действительности. Поэтому публикации «Голоса Белогорья» представляются интересными для лингво-стилистического исследования.

Для анализа масс-медийных текстов нам представляется целесообразным частичное использование типологии норм, предложенной С.И. Сметаниной [Сметанина 2002: 287-288], которая выделяет языковые (системные), стилистические и коммуникативные нормы.

Языковая норма – это соответствие употребляемых в тексте языковых единиц общепринятым правилам, образцам; это нормативная реализация единиц разных уровней языковой системы. Следование языковым нормам, с одной стороны, обеспечивает понимание смысла изложенной информации, а с другой – служит своеобразным «гарантом доверия» читателя к автору публикации и «гарантом качества» издания в целом. Нарушениями языковой нормы (речевыми ошибками) являются устные оговорки, письменные опечатки и ошибки. Преднамеренные отступления от нормы, допускаемые журналистами, чаще всего связаны со стремлением повысить экспрессивность текста, использовать какой-либо стилистический прием (языковую игру, пародию, эпатаж и др.), создать образ героя материала или виртуального оппонента и т.п.

Стилистические нормы традиционно рассматриваются как соответствие использованных языковых средств функционально-стилистическим и жанровым особенностям текста. На наш взгляд, квалификация соответствия стилистической норме или отступления от неё – это весьма сложная задача медиалингвистики.

В современной стилистике довольно прочно утвердился тезис о том, что язык масс-медиа представляет собой чередование стандарта (информем) и экспрессии (экспрессем) [см.: Костомаров 2005]. Главным, по В.Г. Костомарову, конструктивно-стилевым вектором (КСВ) текстов массовой коммуникации – общими ориентациями и установками – является устойчивая нацеленность на непрерывный контакт с аудиторией, удержание её внимания сиюминутно актуальной информацией, передающейся наиболее приемлемыми, доступными для адресата средствами. Поиск таких средств заставляет обращаться к самым разнообразным пластам языка и к неязыковым средствам, вместе с тем этот поиск зачастую оказывается недолгим из-за высокой интенсивности и оперативности журналистской работы. И тогда автор текста в погоне за экспрессией следует современной тенденции «снижения стиля» и ограничивается использованием разговорных, просторечных или жаргонных средств.

У автора и у адресата (читателя, исследователя) могут, безусловно, не совпадать представления о том, какие средства соответствуют, а какие – не соответствуют теме, идее, жанру, стилю и функциональному назначению текста. Но у автора больше возможностей «воспитать» у читателя соответствующий вкус: он профессионал, он отражает в своих материалах действительность, даёт оценку фактам и при определенных социально-экономических условиях может не прислушиваться ни к чьему мнению относительно стилистических особенностей предоставления информации. А если в подобном стиле пишет большинство журналистов, то он рано или поздно будет восприниматься как норма. В связи с этим, несмотря на сложность анализа массмедийного текста на соответствие стилистическим нормам, мы считаем такой анализ бесполезным.

Что касается *коммуникативных норм* как разновидности норм культуры речи, то они связаны с общением (коммуникацией), построенным в соответствии с правилами, сложившимися в обществе, с выработанными в нём культурными, этическими и этикетными традициями. Нарушениями коммуникативных норм являются отступления от названных правил; такие нарушения наиболее ярко проявляются в устном общении, в манере поведения. Исследователи (в частности С.И. Сметанина) отмечают, что нарушения коммуникативных норм связаны и с отступлением от правил текстообразования; однако некоторые из иллюстрирующих это положение примеров [см.: Сметанина 2002: 323-335] можно квалифицировать не только как отступление от коммуникативных норм, но и как стилистические погрешности или как реализацию коммуникативных тактик, используемых журналистами для достижения определённых целей.

Отдельные недочёты в построении текста характеризуются наличием и речевых, и стилистических ошибок, поэтому их целесообразно анализировать комплексно. Таких недочётов в текстах, подвергшихся анализу, большинство. Однако встречались и ошибки, связанные с нарушением только орфографической нормы: например, слитное написание частицы *не* с причастием, несмотря на наличие зависимого слова. Следовало писать: *...не охваченная культурным воспитанием молодежь обходится обществу гораздо дороже...* («Из новой студии ударят креативом по гламуру», 07.07.2008). Или лишняя буква в прилагательном: *несведующие граждане* («Эх, "Яблочко", куда ты катишься?» 18.02.2008). В одной из публикаций встретились ошибки в написании иноязычных слов: *Мало того, что посредине русской столицы они [высшие руководители] сидят за круглыми столами с табличками перед ними непременно латинскими буквами «president», «premyer-ministr», «stats-secretar», но еще и величаются на западный манер – без отчества...* («Поругание Бояна» 30.01.2008). Слова, подчеркнутые нами, в европейских языках не пишутся подобным образом, ср.: *prime minister, premier* (англ.), *Premierminister* (нем.), *premier minister* (франц.), *primer ministro* (испан.); *secretary of state* (англ.), *Staatssekretär* (нем.), *secrétaire d'Etat* (франц.), *secretario de Estado* (испан.). Трудно представить, чтобы для обозначения должностей упомянутых автором *высших руководителей* (довольно сомнительное словосочетание, обычно используется наименование *высшее руководство*) используются подобные таблички. Как правило, при встречах на высоком международном уровне используется английский язык. Возможно, всё дело в полемическом запале автора, ратующего за сохранение русских традиций в языке и алфавите. Но, как правило, подобные погрешности связаны с недостатками в работе корректора.

Намеренно, по всей видимости, нарушены языковые нормы в публикации «Кандидатское меню радует» (18.02.2008). Автор пишет: *Иногда прямо не знаешь, что думать, когда предлагают закусить «сушей», «роллом» или хоть тем же беконом с кукуромой...* Ненормативное изменение иноязычного несклоняемого экзотизма *суши* (или *суси*), использование единственного чис-

ла вместо обычно употребляемого множественного (*роллы*) и неверное написание *кукурма* (вместо *куркума*), которое не раз употребляется в тексте, – всё это элементы языковой игры, в которой автор предстаёт неискушённым в экзотической кулинарии простаком. Приём языковой игры автор использует в лиде, открывающем публикацию. Далее игра поддерживается «кулинарными» сравнениями списков кандидатов на выборы с винегретом, с салатом «Фейерверк наслаждений», с баночкой маринованных груздей. Затем автор довольно неожиданно переходит в совершенно иную, спортивную сферу, и в материале появляется лексика, характеризующая борьбу, например: *генеральный директор ... скорее всего, с большим отрывом отдубасит ... студента; не с руки применять силу и укладывать на обе лопатки новичка в подобных состязаниях, «юниорку»*. Но и спортивной темой журналист не ограничивается, и следующая группа сравнений – из области аквариумистики: *В 13-м округе ситуация, как в аквариуме: одна большая и достаточно «хищная рыба»..., а где-то среди агитационных зарослей мелькают плавники, образно говоря, несмысленного «малька»...* Представляется, что подобный разброс – это несоблюдение стилистической нормы, тем более что уже в названии публикации («Кандидатское меню радует») сам автор обозначил сферу, которая должна послужить источником метафоризации для создания экспрессивного, интересного адресату текста. Выходя за рамки этой сферы, «соскальзывая» с темы кулинарии, журналист обманывает ожидания читателей и нарушает стилистическое единство текста.

Среди речевых ошибок, обнаруженных в публикациях на сайте «Голоса Белогорья», некоторое количество связано с нарушением лексической нормы – то есть неправильным употреблением слова или фразеологизма из-за неучёта его лексического значения или сочетаемости. Например, в уже процитированной публикации «Поругание Бояна» (30.01.2008) читаем следующее: *...новая «русская литература» пишется уже на неком суржике в традиции скорее Стивена Спилберга, нежели Ивана Сергеевича Тургенева*. Слово *суржик* традиционно используется для наименования смешанного русско-украинского диалекта; у этого слова есть и другие значения: ‘смесь пшеницы с рожью’; ‘человек смешанной национальности’ (перен.). Но ни в одном из названных значений слово *суржик*, на наш взгляд, не может быть адекватно употреблено в приведённом выше контексте, тем более в сочетании с именем прославленного голливудского режиссёра, который, насколько известно, литературной традиции не создал, и сопоставлять его с русским писателем-классиком не имеет смысла.

Неучёт лексической сочетаемости слов привёл к появлению в тексте публикации «Эх, "Яблочко", куда ты катишься?» (18.02.2008) следующего фрагмента: *...Таня Шульц, ярая жириновка, выперлась к микрофону, чтобы выразить солидарность с коммунистами. Парадокс? Нонсенс? Последствия мозговой травмы, связанной с краткосрочным ущемлением кровообращения в обоих полушариях?*

Словосочетание *ущемление кровообращения* является ненормативным, так как отглагольное существительное *ущемление* используется в прямом значении в сочетании с существительными, называющими конкретные предметы (*ущемление грыжи*); в переносном – с существительными, называющими предметы или абстрактные понятия (*ущемление интересов, самолюбия*). А существительное *кровообращение* называет процесс и сочетается с отглагольными существительными, которые могут обозначать какую-либо стадию или характеристику процесса (*нарушение, остановка кровообращения и т.п.*).

Приведённую нами цитату можно анализировать, безусловно, не только с точки зрения соблюдения языковых норм. Нельзя не отметить использованные журналистом языковые средства, имеющие фамильярную, разговорную и грубо просторечную окраску. Обращение по уменьшительному, производному (*Таня*), а не по полному имени – фамильярность; такое обращение является нарушением коммуникативных норм, если говорящий не является близким знакомым адресата речи. В тексте, предназначенном для массовой коммуникации, это воспринимается как намеренное уничижение человека. Образованное от антропонима существительное *журиновка* имеет разговорную окраску; а глагол *вытерлась* – грубо просторечный.

Сниженная лексика в приведённом примере резко контрастирует с лексемами, имеющими книжную стилистическую окраску: *парадокс, нонсенс, краткосрочный, мозговая травма, полушария* (мозга). Подобная контрастность пронизывает весь текст: упоминающуюся Т. Шульц автор называет то *Татьяной*, то *г-жой Шульц*, о другом своём персонаже автор пишет: *мы бы сегодня про то «Яблоко» вряд ли вспомнили, если бы г-жа Дроздова не вляпалась в веселую кампанию* (здесь также «соседствуют» разностильные элементы), в одном абзаце присутствуют следующие выражения: *программная установка, борьба с «олигархическим капитализмом» в современной России; и мягко говоря, ткнул старооскольских коммунистических вожжаков носом в лужичу, образовавшуюся в результате политического недержания...*

Представляется, что разностильность с явным преобладанием языковых единиц со сниженной стилистической окраской можно назвать излюбленным приёмом журналистов газеты «Голос Белогорья». Возможно, это оправдано накалом политических дискуссий, но, на наш взгляд, это является отступлением от стилистической и коммуникативной норм. Это особенно явно, когда массово распространяются грубые, вульгарные выражения, когда в пылу полемики автор переходит на личности и пишет в отношении коллеги-журналиста о *преклонном возрасте и об упорстве и ... азарте, граничащем с маразмом...* («Еще раз про болото на Гриневке, уток диких и в кавычках». 07.02.2008).

1. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М. 2005.

2. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб., 2002.